

**Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2022 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс**

Время выполнения заданий первого тура — 210 минут

Уважаемые участники!

Перед Вами текст, который необходимо проанализировать.

Для этого выполните следующие задания и внесите ответы в соответствующие позиции бланка:

- 1. Найдите не менее шести социальных теорий, нашедших отражение в тексте.**
- 2. Укажите три теории, с которыми автор солидаризуется, и приведите в подтверждение своего выбора по две цитаты из текста для каждой теории.**
- 3. Укажите две теории, с которыми автор не согласен, и приведите в подтверждение своего выбора по две цитаты из текста для каждой теории.**
- 4. Определите, видны ли в рассуждениях автора противоречащие друг другу позиции? Если видны, укажите их, подтвердив цитатами.**
- 5. Сформулируйте собственное отношение к позиции автора текста и приведите не менее трех аргументов для его обоснования.**

Мировая история не похожа на мечтания нашего времени. История человека коротка, если соизмерять ее с историей растений и животных, не говоря уж о долгой жизни планет. Внезапный подъем и упадок через несколько тысячелетий — это маловажно для судеб Земли, но для нас, здесь и теперь рожденных, эта история обладает трагическим величием и силой. Само по себе совершенно безразлично, какой будет судьба этой маленькой планеты в толпе «вечных» звезд, куда через краткое время повлечет ее по бесконечным пространствам; еще безразличнее мы к тому, будет ли через пару мгновений что-нибудь на ней двигаться. Но каждый из нас — сам по себе ничто — на несказанно короткое мгновение заброшен в эту толкотню длиной в одну жизнь. Потому для нас она безмерно важна — этот малый мир, эта «мировая история».

Судьба помещает каждого не в мировую историю вообще, но каждый рождается в каком-то столетии, в определенном месте, народе, религии, сословию. Выбирать нам не дано, родимся ли мы сыном египетского крестьянина за 3000 лет до Христа, персидским царем или сегодняшним бродягой. Этой судьбе — или случаю — нужно повиноваться. Она осуждает нас на какие-то ситуации, созерцания, деяния. Нет «человека в себе», о котором болтают философы, но только человек своего времени, места, расы. Он утверждает себя или покоряется в борьбе с данным ему миром, а божественную Вселенную, простирающуюся вокруг него, это совершенно не трогает. Эта борьба и есть жизнь, а именно, борьба в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жестокая, борьба без пощады.

Ибо человек является хищником. Жизненная мудрость древних сказаний и пословиц всех крестьянских и пастушеских народов, смеющийся взор великих знатоков людей — государственных деятелей, полководцев, купцов, судей — на высоте их богатой жизни это не замалчивает и не отрицает, вопреки отчаянию всех улучшателей мира и брани разгневанных священников. Такое понимание человека нужно, наконец, принять всерьез. Скепсис, последняя возможная в нашу эпоху философская позиция — и эпохи достойная — уже не позволяет ходить вокруг да около. Именно поэтому я выступаю против воззрений, берущих свое начало в естествознании прошлого века.

Анатомическое рассмотрение и упорядочение животного царства по своему происхождению целиком подчинено материалистической точке зрения. Картина тела предстает здесь перед человеческим взглядом лишь с тем, чтобы его разложили на составные части, химически препарировали, истязали экспериментами и получали систему покоящихся оптических единиц. Но помимо нее имеется и совершенно другая картина: несистематический порядок родов жизни, данный неученому сопереживанию, внутреннему чувству родства «Я» и «Ты», которое знакомо всякому крестьянину, равно как и любому

подлинному поэту или художнику. Но в таком случае появляется совсем иная иерархия — жизнью, а не тел.

Растение живет, но оно лишь в весьма ограниченном смысле является живым существом. В действительности нечто живет в нем или вокруг него. «Оно» дышит, «оно» питается, «оно» размножается, но по сути оно — лишь сцена для этих процессов, образующих такое единство с окружающими температурой, днем и ночью, солнечным светом и брожением почвы, что само растение не способно ни желать, ни выбирать. С ним и в нем все происходит. Оно не ищет ни места, ни пропитания, ни других растений, с которыми оно зачинало бы потомство. Оно не движется, но подвижно — ветром, теплом, светом.

Над этим типом жизни возвышается свободно движущаяся жизнь животных, но сама она делится на две ступени. Сквозь все анатомические виды, от одноклеточного пра-животного и вплоть до водоплавающих птиц и копытных животных, проходит один тип, чья жизнь нацелена на мир растений как свое пропитание. Растения не убегают и не могут обороняться. Над ним возвышается второй тип жизни: животные, живущие за счет других животных, жизнь которых поддерживается убийством. Сама добыча очень подвижна, может сражаться и богата всякого рода хитростями.

Этот тип жизни также проходит через все систематизируемые виды. Каждая капля воды является полем битвы, и мы, привычные к борьбе на земле, забываем о ее всеобщности или даже о самом ее существовании, а потому с ужасом наблюдаем сегодня, какие фантастические формы принимают убийство и смерть в пучинах морей. Хищник — это высшая форма свободно движущейся жизни. Это означает максимум свободы от других и свободы для себя самого, ответственность перед самим собою, одиночество, предельную нужду в самоутверждении — в борьбе, в победе, в уничтожении.

Высокий ранг типу человека придает то, что он является хищником. Травоядное по самой своей судьбе является добычей, оно пытается спастись от этого проклятия путем бегства без борьбы. Хищник делает другого добычей. Одна жизнь по глубочайшей сущности оборонительна, другая наступательна, тверда, жестока, разрушительна. Их различает уже тактика движений: с одной стороны, привычка прятаться, удирать, быстрота бегства, уловки, увертки; с другой стороны, прямолинейность атаки, прыжок льва, пикирование орла. Есть хитрость сильного и хитрость слабого. Умными в человеческом смысле, активно умными, являются только хищники. Травоядные в сравнении с ними тупы: не только «честная» голубка и слон, но даже благороднейшие копытные: бык, лошадь, олень, которые могут сражаться только в слепой ярости и при половом возбуждении, а в прочее время смиренны и послушны даже ребенку.

Разница еще виднее не по движениям, а по органам чувств. По тому, каковы чувства, различаются способы, коими дан «мир». Каждое существо живет в природном окружении, замечает оно его или нет. Лишь с помощью таинственного и необъяснимого для человека отношения между животным и его окружением, посредством ощупывающего, упорядочивающего, понимающего чувства, из среды возникает мир всякого единичного существа. Высшие травоядные, помимо слуха, направляются чутьем, высшие хищники правят посредством глаза. Чутье есть истинное чувство защиты. Нос чует приближение или удаление опасности и дает тем самым целесообразное направление для бегства. Глаз хищника, напротив, задает цель. Уже потому, что пара глаз крупных хищников может, как и у человека, фиксироваться на одной точке в окружении, им удается зачаровывать добычу. Во враждебном взгляде для жертвы уже запечатлена ее неизбежная судьба, прыжок следующего мгновения. Фиксированные вперед и параллельно направленные глаза означают появление мира в том смысле, как он дан человеку — как образ, как мир перед его взглядом — мир не только света и цвета, но прежде всего уходящей вдаль перспективы, пространства и происходящих в нем движений, а также покоящихся в определенных местах пространства предметов. Таким зрением обладают лишь благороднейшие хищники. Травоядные, например копытные, наделены расставленными глазами, дающими иное, неперспективное восприятие. Уже в этом заключается идея господства. Образ мира есть окружающий мир во власти взгляда. Глаз хищника определяет вещи согласно их положению и дальности. Ему ведом горизонт. Он соразмеряет объекты и условия атаки на этом поле битвы. Чутье и высматривание — косуля и ястреб — подобны рабу и господину. Бесконечное чувство власти заключено в этом дальнем, спокойном взгляде, то чувство свободы, которое проистекает из превосходства и покоится на большей силе, на уверенности в том, что он не станет ничьей добычей. Мир есть добыча, — в конечном счете, из этого факта вырастает человеческая культура.

Наконец, этот факт прирожденного превосходства простирается как вовне, в бесконечные дали света, так и вовнутрь, в душевную организацию сильных животных. Чем более одиноко существо, чем решительнее оно строит себе мир — против всего мира вокруг, — тем сильнее отчеканена его душа. Что противоположно душе льва? — Душа коровы. Травоядные замещают силу одинокой души большим числом, стадом, совместным чувством и массовым действием. Чем меньше нужда в других, тем больше мощь. Хищник находится во вражде со всеми, на своей территории он не терпит никого себе равного — в этом корень королевского понятия собственности. Собственность есть та область, на которую распространяется ничем не ограниченная власть;

завоеванная, отстаиваемая от себе подобных, победно утверждаемая власть. Это не право на простое обладание, но на самовластное хозяйствование и распоряжение.

Нужно понять, что имеется этика хищников и этика травоядных. Тут ничего не изменишь. Это внутренняя форма, смысл, тактика всей жизни. Это просто факт. Жизнь можно уничтожить, но породы ее не изменить. Прирученный, помещенный в клетку хищник — примеры мы найдем в любом зоопарке — душевно искалечен, болен, уничтожен изнутри. Есть хищники, в неволе выбирающие смерть. С травоядными ничего не случается, когда они делаются домашними животными. В этом различие судьбы травоядного и судьбы хищника. Первый может только угрожать, второму нужны жертвы. Тот покоряется, делается мелким и трусливым, этот возвышается мощью и победой, гордостью и ненавистью. Тот сносит других, этот сам по себе. Борьба внутренней природы против внешней, в которой Шопенгауэр и Дарвин находили только несчастье, является высшим смыслом жизни. Этому роду принадлежит человек. Он не является «добрым от природы» и тупым простаком, полубезъязыной с техническими задатками. Напротив, тактика его жизни относит человека к великолепным, отважным, хитрым и жестоким хищникам. Он живет атакой, убийством, уничтожением. С тех пор как он существует, он хочет быть господином.

Имеется гигантское различие между человеком и всеми другими животными. Техника всех животных является техникой вида. Она и не изыскивается, и не овладевается индивидом посредством обучения, и не может развиваться. Со времени своего возникновения пчела одинаково строит свои соты и будет так их строить, пока не вымрет. Они принадлежат пчеле точно так же, как форма крыла и расцветка тела. Пчелы, термиты, бобры делают удивительные постройки. Муравьи знакомы с растениеводством, строительством дорог, рабством и ведением войны. Широко распространены уход за выводком, празднества, планомерные странствия. Всего, на что способен человек, достигали также отдельные формы животных. Человеку не свершить ничего, что не было бы достижимым для жизни в целом. Тем не менее, все это, по сути, не имеет ничего общего с человеческой техникой.

Видовая техника неизменна. Это и обозначается словом «инстинкт». Поскольку «мышление» животных приковано к здесь и теперь, поскольку оно не ведает ни прошлого, ни будущего, оно не знает также ни опыта, ни заботы. Неверно, будто самка животного «заботится» о своем потомстве. Забота есть чувство, предполагающее знание, уходящее в даль будущего, подобно тому, как стыд есть знание о том, что было. Животное не способно ни каяться, ни отчаиваться. Уход за выводком, как и все прочее, представляет собой лишь

темное, не ведающее влечение у многих типов жизни. Оно принадлежит роду, а не единичному существу.

Человеческая техника, и только она, независима от жизни человеческого вида. Это уникальный случай во всей истории жизни — индивид выходит за пределы принуждения вида. Требуется немалое усилие мысли для постижения неслыханности этого факта. Техника жизни человека сознательна, умышленна, изменчива, личностна, изобретательна. Человек стал творцом своей тактики жизни. В ней заключается его величие и его проклятие.

Внутреннюю форму творческой жизни мы называем культурой: говорим об обладании культурой, творении культуры, страдании от культуры. Творения человека суть проявления такого существования в личностной форме.

С какого времени существует этот тип изобретательного хищника? Это равнозначно вопросу: с каких пор существует человек? Благодаря чему он стал человеком? Ответ звучит так: благодаря появлению руки, несравненного оружия в мире свободно передвигающейся жизни. Рука различает не только тепло и холод, твердое и мягкое, но прежде всего тяжесть, образ и место противостоящего ей предмета, короче говоря, вещь в пространстве, она одновременно формирует осанку и движение тела в целом. К глазу хищника, «теоретически» господствующим над миром, добавляется эта практическая властительница. В сравнении с темпом космических потоков она должна была возникнуть внезапно, вдруг, как землетрясение, как возникает все решающее, в высшем смысле слова эпохальное в мировых событиях. Поэтому нам нужно освободиться от воззрений прошлого века, которые подводят геологические исследования под понятие «эволюции» — медлительно-флегматичное изменение соответствует английской натуре, но не природе. Мировая же история идет от катастрофы к катастрофе, независимо от того, можем ли мы это понять и обосновать.

Не только рука, прямохождение и осанка возникли одновременно, но и рука и орудие. Невооруженная рука сама по себе ничего не стоит. Она требует оружия, чтобы самой быть оружием. Подобно тому как орудие формируется по образу руки, так и, наоборот, рука формируется по образу орудия. Бессмысленно разделять их по времени. Невозможно, чтобы сформировавшаяся рука хотя бы краткое время была деятельной без орудия. Ни один другой хищник не избирает себе оружия. Человек же его не только избирает, он его изготавливает согласно своим собственным соображениям. Тем самым он обрел ужасающее превосходство в борьбе с себе подобными, в борьбе против других животных, против всей природы. Таково освобождение от принуждения вида, неслыханное в истории всей жизни на этой планете.

Вместе с этим освобождением и появляется человек. Он сделал свою жизнь в значительной степени независимой от обусловленности своего тела. Инстинкт вида сохранился во всей своей силе, но от него отделились мышление и мыслящее действие индивида, свободного от чар вида. Эта свобода есть свобода выбора. Каждый сам мастерит свое собственное оружие, согласно собственному умению и замыслу. К «мысли глаза» — понимающему острому взгляду крупного хищника — добавляется теперь «мысль руки». Из первого вырабатывается в дальнейшем теоретическое, рассуждающее, созерцающее мышление — «размышление», «мудрость»; из второго развивается практическое, деятельное мышление, хитрость, «рассудительность» в подлинном смысле слова. Глаз ищет причины и следствия, рука работает по принципам средства и цели. С тех времен и поныне отдающая команду, указывающая, сжатая в кулак рука является выражением воли. Отсюда же словесные формулы о твердой руке завоевателя, счастливой руке дельца, отсюда свойства души, прочтенные по руке преступника или художника.

Под сильнейшим впечатлением свободного, сознательного, индивидуального деяния, которое поднимается над одинаковым, инстинктивным, массовым «действием вида», происходит формирование собственно человеческой души. Она одинока даже в сравнении с душами других хищников, она наделена гордым и мрачным взором ведающего о собственной судьбе, о неукротимости чувства власти в привычном к деяниям сжатом кулаке. Он враг всех и каждого — убивающий, ненавидящий, решительно избирающий победу или смерть. Страсти этой души глубже, чем у любого другого зверя. Она находится в непримиримом противостоянии со всем миром, от которого ее отделило собственное творчество. Это душа мятежника. Душа этого одиночки насквозь воинственна, недоверчива. Она ревниво оберегает собственную власть и добычу. Ей знаком пафос не только собственного «Я», но также того, о чем она говорит «Мое». Ей ведомо упоение, когда нож входит в тело врага; запах крови и стоны вызывают чувство триумфа. Тут нет жалких слов о «полезности» чего-нибудь «трудосберегающего». Еще меньше беззубого сострадания, примирения, стремления к покою. Зато есть гордость своей силой, радость от того, что его боятся, что им восхищаются, его ненавидят; есть жажда мести ко всем, — живым существам и предметам, хоть как-то задевшим эту гордыню пусть только самим своим существованием.

История заключается в том, что эта душа идет по пути растущего отчуждения от всей природы. Оружие всех хищников естественно, не таков лишь вооруженный кулак человека — с искусно выделанным, замысленным, избранным оружием. Здесь начинается «искусство» как противоположность природы. Искусственно, противоестественно любое человеческое действие —

от зажигания огня и вплоть до тех свершений высших культур, которые обозначаются нами как собственно принадлежащие к «искусствам». У природы были вырваны привилегии творчества. Уже «свободная воля» есть акт мятежа. Творческий человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее все дальше, становится все враждебнее природе. Такова его «всемирная история», история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной, история мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку.

Трагедия человека начинается потому, что природа сильнее. Человек остается зависимым от нее, ибо она все охватывает, в том числе и его, свое творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями. Целые расы пребывают сломленными, внутренне разрушенными, впавшими в бесплодие и расстройство духа — это ее жертвы. Борьба против природы безнадежна и все же она будет вестись до самого конца.

Вторая эпохальная трансформация, столь же внезапная и громадная, перевернула до самого основания человеческую судьбу. До сей поры каждый человек жил сам по себе, сам изготавливал свое оружие, в одиночку реализовывал тактику своей ежедневной борьбы. В другом никто не нуждался. Это неожиданно меняется. Начинается планомерная совместная деятельность с другими. И вот, начиная с V тыс. до н. э., мышление, дух, интеллект через язык освобождается от привязанности к действующей руке, противопоставляет себя душе и жизни как особая сила.

Человек-хищник по-прежнему желает роста своего превосходства, теперь уже выходящего за границы его телесной силы. Этой воле ко все большей власти он жертвует часть своей собственной жизни. На первом месте тут стоят мысль, расчет большей действенности. Во имя этого он согласен отдать часть личной свободы. Внутренне человек сохраняет независимость. Но привыкнув к совместной деятельности многих и к ее успехам, человек все глубже погружается в роковые сети. Предприимчивое мышление все сильнее вторгается в его жизнь. Человек сделался рабом своей мысли. Совсем иной мир творений приходит от «порождающей мысли», а именно, разведение растений и животных, в котором человек замещает саму творительницу-природу. Он ей подражает, изменяет ее, улучшает, насилует. С тех пор как он стал возделывать, а не собирать растения, и разводить животных, а не только охотиться на них, понятие добычи для хищника расширяется. Добычей и собственностью становится не только убитое животное, но также пасущиеся дикие животные. Стада кому-то принадлежат, племени или отряду охотников, которые отстаивают свое право на эксплуатацию. Помещение за ограду в целях разведения,

предполагающее выращивание корма, представляет собой лишь один из многих видов владения.

Во всяком предприятии различаются замысел и осуществление: отныне первейшим и важнейшим является успех практического мышления. Есть работа вождя и проводимая работа: это стало основной технической формой всей человеческой жизни на последующие времена. Идет ли теперь речь об охоте на крупного зверя или о строительстве храма, о военном или сельскохозяйственном предприятии, об основании компании или государства, следовании каравана, восстании, даже о преступлении — всегда для начала должна иметься предприимчивая голова с идеей. Она изыскивает, осуществляет руководство, приказывает, распределяет обязанности. Короче, должен иметься тот, кто рожден руководить теми, кто вождем не является. В век руководимой речью организации имеются не только два рода техники, которые от столетия к столетию расходятся все дальше, но также два рода людей, которые различаются по своим способностям к одному или к другому. Во всяком методе есть техника вождя и техника исполнителя, а потому от природы есть безусловно приказывающие и подчиняющиеся, субъекты и объекты политических или хозяйственных методов.

Такова основная форма сделавшейся многообразной человеческой жизни со времен этой трансформации, отменить ее можно только вместе с самой жизнью. Пусть эта форма противоестественна, искусственна — но это и есть «культура». Она может быть роковой и временами такой действительно становится, когда воображают, будто ее можно искусственно отменить. Тем не менее, она является непоколебимым фактом. Правление, принятие решений, руководство, приказание — это искусство, трудная техника, которая, как и всякая другая, предполагает врожденную одаренность. Наконец, имеется естественное различие рангов между людьми — рожденных для господства и для услужения, вождями и ведомыми жизни. В здоровые времена и у здоровых народов, это произвольно признается как факт, а в столетия упадка большинство начинает это отрицать или не замечать. Более того, есть не только отдельные люди, но и целые народы, сильная раса которых сохранила характер хищника, — разбойничьи, завоевательные народы господ, любители борьбы с людьми, передоверяющие другим хозяйственную борьбу против природы, чтобы их грабить и покорять. Вместе с мореплаванием появляется пиратство, вместе с кочевничеством — нападения на торговые пути, вместе с крестьянством — его закрепощение воинственным дворянством. Вместе с организацией предприятий разделяются также политическая и хозяйственная стороны жизни — по направлениям к власти или к добыче.

Итак, руководимое речью предприятие теперь связано с насильственным ограничением свободы, древней свободы хищника — как для вождей, так и для ведомых. И те, и другие духовно, душевно, плотью и жизнью своей делаются членами большого единства. Это мы называем организацией. Вместе с деятельностью многих свершается решающий шаг от органического к организованному существованию, от жизни в естественных группах к искусственным группам, от стаи к народу, сословию и государству. От борьбы между одинокими хищниками происходит война, предприятие племени против племени, с вождями и дружинами, с организованными маршами, нападениями и сражениями. На место уничтожения побежденных приходит закон, возлагающий дань на уступившего в бою.

Человеческое право всегда есть право сильнейшего, коему должен следовать слабейший, и такое право между племенами как нечто длительное понимается как «мир». Подобный мир имеется и внутри каждого племени, чтобы приуготовлять его силы для внешних задач: государство есть внутренний порядок народа для достижения внешних целей. Как форма, как возможность государство является действительной историей народа. Но история есть история войн, так это остается и поныне. Политика есть лишь преходящий эрзац войны с помощью оружия духа. Характер свободного хищника в значительной степени передается от индивида организованному народу — зверю с одной душой и многими руками. Техники правления, войны, дипломатии имеют один и тот же корень, и во все времена они пребывали в глубоком родстве.

Все великие открытия и изобретения происходят из радости победы сильного человека. Они — выражение личности, а не думающей о пользе массы, которая только наблюдает, но которая должна принимать последствия, какими бы они ни были. А последствия чудовищны. В погоне за большей действительностью растет и взаимозависимость людей. Именно в этом обнаруживается безмолвная и глубокая месть природы тому существу, которое вырвало у нее привилегию творения. Этот малый творец, восставший против природы, этот революционер мира жизни сделался рабом собственного творения. Культура, включающая в себя искусственные, личностные, самодельные формы жизни, развилась в клетку с тесной решеткой для этой неукротимой души. Хищник, делающий другие существа домашними животными, чтобы эксплуатировать их в своих целях, поймал в загон и самого себя.

Растет число людей, в котором индивид утрачивает всякое значение. Ибо действия человеческого духа предпринимательства чреваты многократным увеличением населения. Народ граничит с народом, и простой факт границы — границы собственной власти — возбуждает древние инстинкты ненависти, агрессии и уничтожения. Ведь любого рода граница, в том числе и

духовная — смертельный враг воли к власти, поскольку душа этого хищника ненасытна, его воля никогда не удовлетворяется. Таково проклятие, лежащее на этом роде жизни, но также и величие его судьбы. Всякое исполненное желание пробуждает тысячи других, любой триумф над природой подвигает к еще более грандиозным.

Сегодня маленькая горстка прирожденных вождей, предпринимателей и изобретателей заставляет природу выполнять работу, исчисляемую миллионами и миллиардами лошадиных сил. В сравнении с нею физическая сила человека уже ничего не значит. Тайны природы понятны не больше, чем когда бы то ни было, но используются рабочие гипотезы, которые не «истинны», но только целесообразны. С их помощью природу понуждают покоряться человеческим приказам, малейшему нажатию кнопки или рычажка. Темп открытий фантастически растет, и тем не менее все время приходится повторять, что нет никакого сбережения человеческого труда. Мы стоим сегодня на вершине, там, где трагедия завершается. Творение поднимается на творца.

Деятельность многих на протяжении тысячелетий предполагала организацию работы, основанием которой было различие между вождями и ведомыми, головой и руками. Теперь она подрывается снизу. Но «масса» есть лишь отрицание, а именно: отрицание самого понятия организации. Поэтому масса нежизнеспособна. Войско без офицеров представляет собой просто потерявшуюся и ненужную толпу. Как некогда микрокосм-человек поднялся на природу, так восстает теперь микрокосм-машина против человека. Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, причем всех без исключения, ведаем мы об этом или нет, хотим или нет — идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти. От этого факта и его последствий не освободиться. Так было, так будет — или вообще больше никак не будет. Есть смысл почитать или презирать положение дел, изменить его невозможно. Судьба человека уже в пути, и она должна свершиться.

2. Ознакомьтесь с описанной ситуацией и выполните задание.

- 1. Объясните причины и цели каждого из произведенных депутатами переименований.**
- 2. Каждое из переименований являлось своеобразным информационным посланием. Укажите, кому с вашей точки зрения адресованы эти послания? Что эти послания сообщали каждому из них?**
- 3. Какой политический процесс отражают произведенные переименования? Свой ответ обоснуйте.**
- 4. Какие формы социальной мобильности («социальные лифты») были запущены указанным вами политическим процессом? Свой ответ обоснуйте и приведите примеры.**

Известно, что 5 мая 1789 года в Париже начали работу Генеральные штаты (*États généraux*), созванные Людовиком XVI по предложению его министра Ж. Неккера. Также известно, что 17 июня того же года депутаты Генеральных штатов приняли решение переименовать их в Национальное собрание (*Assemblée Nationale*). Наконец, 9 июля они снова изменили свое именование, назвавшись Учредительным собранием (*Assemblée Constitutionnelle*).